

Виктор СОСНОРА

О ВСПОМНИ ОБО МНЕ В СВОЁМ САДУ

ИЗ КНИГИ «ВСАДНИКИ» (1959–1966)

Белый вечер, белый вечер,
колоски зарниц.
Не кузнечик, а бубенчик
надо мной звенит.

Белый вечер, белый вечер,
блеяние стад.

И заборы, будто свечи,
белые стоят.

Прошумят берёзы скорбно,
выразят печаль.

Прошумят они:

«О, скоро
твой последний час».

Что же, скоро, я не дрогну
в свой последний час.

Не приобрету в дорогу
ни мечей, ни чаш.

Не заполучу надежды
годовщин и книг.

Выну белые одежды
и надену их.

Белый вечер, белый вечер,
колоски зарниц.

И кузнечик, как бубенчик,
надо мной звенит.

* * *

Завидуешь, соратник, моему
придуманному дому? Да, велик
он, храм химерный моему уму,
хранилище иллюзий или книг.

Взойди в мой дом и ты увидишь, как
посмешище – любой людской уют,
там птицы (поднебесная тоска!)
слова полузабытые поют.

Мой дом, увы, богат и, правда, прост:
богат как одуванчик, прост как смерть.
Но вместо девы дивной, райских роз
на ложе брачном шестикрылый зверь.

И не завидуй. Нет у нас, поверь,
ни лавра, ни тернового венца.
Лишь на крюке для утвари твоей
мои сердца, как луковки, висят.

ИЗ ЦИКЛА «1962 год»

Не жалею живое –
Родилось и терпи
в мире волчьего воя
муравьиной тропы,

В мире вечного чрева
Власьяница и власть –
даже яблоку Ева
не позволит упасть.

* * *

Мы живём в этой проклятой богом стране,
учим звёзды, жуём скороспелых ежей.
Одержимые,
на одножильной струне
балалаечной
пляшем
и плачем уже.

Бога?
Не было.
Бога?
И не бытовал!
Смерд что делал?
Смердил.

Князь что?

Княжил.

Дурак что?

Валял дурака и топор подавал,
чтоб рубили его барак.

Барды, барды!

Взбодрённо бредём по крови
к покровителям казней поштучных,
кадыком перерубленным,
зобом кривым
улыбаемся вредно,
по-сучьи...

ИЗ КНИГИ «12 СОВ» (1963 год)

Гори, звезда моя, гори
и полыхай притом!
Сто Сцилл и столько же Харибд
хромают за хребтом.

Там сто стоических пещер,
там стонет красота,
за тем хребтом, где вечер-червь
мне душу разъедал.

Он разъедал, да не разъел,
он грыз, да не загрыз.
Ни сам я и ни мой размер
не вышли из игры.

Не обрели обратных нот,
не хлынули под нож.
И если прославляли ночь,
то ненавидя ночь!

Пусть вечер,
как хирург,
угрюм,
хромает вдоль застав.
Моя звезда!
Ты не горюй!
Гори, моя звезда!

ИЗ КНИГИ «ТИЕТТА» (1963 год)

Я не приду в тот белый дом,
хотя хозяин добр.

Пируют в доме у тебя.
Продуктов на пиру!
Вино впитают и табак
и в торбы наберут.

Хвала пирующим!

Родня

моя,
пируй,
бери!

Себя не рань и не роняй.

Направим на пиры
стопы сыновней чередой
с дочерней пополам –
в твой керамический чертог,
в твой застеклённый храм,
в победоносный твой,
продуманный от зла и смут.

* * *

В твоих очах, в твоих снегах
я, путник бедный, замерзаю.
Нет, не напутал я, – солгал.
В твоих снегах я твой Сусанин.

В твоих отчаянных снегах
гитары белое бренчанье.
Я твой солдат, но не слуга,
слагатель светлого прощанья.

– Нас океаны зла зальют... –
О, не грози мне, не грози мне!

Я твой солдат, я твой салют
очей, как небо, негасимых.

– Каких там, к дьяволу, услад!
Мы лишь мелодии сложили
о том, как молодость ушла,
которой, может быть, служили.

ПИСЬМО

О вспомни обо мне в своём саду,
где с красными щитами муравьи,
где щедро распустили лепестки,
как лилии, большие воробы.

О вспомни обо мне в своей стране,
где птицы улетели в тёплый мир
и где со шпилья ангел золотой
всё улетал на юг и не сумел.

О вспомни обо мне в своём саду,
где колокольные звонят плоды,
как погребальные,
а пауки
плетут меридианы паутин.

О вспомни обо мне в своих слезах,
где ночи белые, как кандалы,
и где дворцы в мундирах голубых
тебя ежевечерне стерегут.

**ИЗ КНИГИ
«ОДИННАДЦАТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ»
(1966 год)**

Род проходит и род приходит.
Веселью время и скорби время.
Только солнце бьётся, как сердце,
в туманном мире, в минутном небе.

**ИЗ КНИГИ «ТРИДЦАТЬ СЕМЬ»
(1973 год)**

ПОСЛЕДНИЙ ЛЕС

Мой лес, в котором столько роз
и ветер вьётся,
плывут кораблики стрекоз,
трепещут весла!

О соловьиный перелив,
совиный хохот!..
Лишь человечки в лес пришли –
мой лес обобран.

Какой капели пестрота,
ковыль-травинки!
Мой лес – в поломанных крестах
(перстах),
и ни тропинки.

Висели шишки на весу,
вы оборвали,
он сам отдался вам на суд –
вы обобрали.

Ещё храбрится и хранит
мои мгновенья,

мои хрусталики хвои,
мой муравейник.

Вверху по пропасти плывут
кружочки-звёзды.
И если позову: «Ау!» –
не отзовется.

Лишь знает птица Гамаюн
мои печали.
«Уйти?» – «Иди», – я говорю.
«Простить?» – «Прощаю».

Опять слова, слова, слова
уже узнали,
всё целовать да целовать
уста устали.

Над кутерьмою тьма легла,
да и легла ли?
Не говори: «Любовь лгала»,
мы сами лгали.

Ты, Родина, тебе молясь,
с тобой скитаясь,
ты хуже мачехи, моя,
ты тать святая!

Совсем не много надо нам,
увы, как мало!
Такая лунная луна
по всем каналам.

В лесу шумели комары,
о камарилья!
Не говори, не говори,
не говори мне!

Мой лес, в котором мёд и яд,
ежи, улитки,
в котором карлики и я
уже убиты.

